

предшественники (Ламартинъ, Виньи, Шатобрианъ), онъ превосходитъ ихъ оригинальностью слога, превосходитъ этимъ и Ж. Ж. Руссо, и madame де-Севинье, и Расина, уступая развѣ одному Лафонтену. Въ языкѣ литературномъ, жизнь котораго обнимаетъ собою четыре вѣка, въ языкѣ, обновлявшемся три раза, онъ сумѣлъ создать новую манеру выраженія—т.-е. совершилъ нѣчто въ родѣ чуда. Для этого нужно было развить въ себѣ способность первобытной души — способность, въ силу которой образъ является не формой рѣчи, а настоящимъ *ощущеніемъ*. Происхожденіе образа, болѣею частью, таково: сначала является понятіе, какъ абстрактный, безцвѣтный продуктъ мышленія — и потомъ уже *переводится* на языкъ образовъ. Переводъ можетъ быть банальнымъ („колесница прогресса“, „государственный руль“), можетъ отличаться новизною, но все же остается переводомъ; *выражаться образно* не значить еще *мыслить образами*. Чтобы мыслить образами, нужно *чувствовать* предметы внѣшняго міра, чувствовать ихъ такъ непосредственно, какъ еслибы они входили въ составъ внутренней жизни. Это чувство вырабатывалось въ В. Гюго постепенно; оно отсутствуетъ въ „Одахъ и балладахъ“, зарождается въ „Orientales“, проникаетъ собою нѣкоторыя стихотворенія тридцатыхъ годовъ и достигаетъ своего апогея въ „Contemplations“. Съ тѣхъ поръ оно уже не перестаетъ преобладать въ поэзіи Гюго. Благодаря ему, ощущенія поэта, прежде всего, *истинны*, т.-е. вѣрны дѣйствительности (*sensation vraie*). Онъ *умѣетъ видѣть* — качество рѣдкое въ наше время. Онъ знаетъ, напримѣръ, что лунный свѣтъ — не бѣлый, не серебристый, а *голубой*; ему принадлежитъ, кажется, честь этого открытія ¹⁾. Его фантазія хранитъ богатый запасъ впечатлѣній, дающихъ готовую форму для каждаго новаго ощущенія. Голосъ, перестающій пѣть, возбуждаетъ въ немъ, напримѣръ, представленіе о гаснущемъ свѣтѣ, о садищейся птицѣ (*la voix s'éteint comme un oiseau se pose*). Въ ощущеніе переходитъ у Гюго даже абстрактная идея; передъ его глазами „изъ преобразующагося Дракона медленно возстаетъ Беккарія“. Къ истинности ощущенія присоединяется еще другой признакъ: оно *избрано*, избрано изъ числа многихъ (*sensation choisie*). Безъ выбора обиліе образовъ можетъ сдѣлаться подавляющимъ — съ его помощью оно становится неистощимымъ источникомъ силы. В. Гюго, за рѣдкими исключеніями, умѣетъ выбирать; это искусство не измѣняетъ ему

¹⁾ Такъ думаетъ французскій критикъ; но нашъ Лермонтовъ сказалъ еще гораздо раньше появленія „Contemplations“: „спитъ земля въ сіяньи *голубомъ*“.